

Чужой Вагон

18+

Ник Писарев

Ник Писарев

Чужой вагон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573404

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждый посетитель метро едет в безымянном вагоне с безликими пассажирами, стоящими всего в двух шагах. За каждым из них скрывается целая история, и даже самые жизнерадостные из них порой скрывают тяжёлый груз в душе. А кто-то даже не представляет, в какой момент их груз может стать непосильным...

Ник Писарев

Чужой вагон

Когда летишь с моста, понимаешь, что все твои проблемы решаемы.

Кроме одной – ты уже летишь с моста...

Выживший.

«... уважаемые пассажиры, занимайте обе стороны эскалатора»

Механический голос закончил приветствие. Вновь стало тихо, было слышно лишь ритмичный шум электромотора и грохот колес отправлявшихся поездов. Григорий протер красные глаза, зевнул и поправил полы своего пальто перед тем, как сойти со ступенек эскалатора. Он неспешно проследовал до платформы, где сонно стояли остальные пассажиры. В этот час людей было немного и они, рассредоточившись по всей длине зала, мирно стояли, в послушном ожидании поезда. Григорий посмотрел на табло, висевшее над тоннелем – 00:40. Сверил часы; на старом циферблате, доставшегося от отца «Маяка», сквозь трещины на стекле, виднелось точное время – 5:26. Он зажал под мышкой сумку и хотел было подвести, как вдруг услышал шум приближающегося состава. Рука его опустилась, и он закрыл глаза. Слышался стук и вой колес, воздух стремился из шахты и при-

ятно обдавал его запахом духов пассажиров, стоявших поодаль. Он вдруг отчетливо ощутил все, что на нем одето – плотную ткань теплых брюк, натирающие большой палец ботинки, шерстяные носки, от которых обувь стала еще более неудобной, полы его пальто, осязаемо колыхавшегося от ветра. Он ощущал бетонный пол под ногами и зияющую пустоту, на дне которой лежали рельсы. Пустота, до которой всего один шаг. Его нога шаркнула, и двинулась было вперед, как вдруг его толкнула женщина, проходившая мимо. Григорий отрыл глаза. В полуметре от него с шумом открылись двери в пустой вагон, быстро заполнявшийся пассажирами. Он сделал пару шагов им навстречу, вошел и сел напротив большой карты метрополитена. После дежурного предупреждения и объявления следующей станции, поезд тронулся. Напротив него села девушка, увлеченно читавшая «Мартина Идена». На ней была массивная кожаная куртка, усыпанная заклепками, а ноги в белых кроссовках украшала длинная, черная юбка. Своими синими волосами она закрыла ему карту метро, и чтобы не пялиться на нее и не привлекать лишнего внимания, он вновь закрыл глаза и отдался на откуп мирному покачиванию вагона.

Выйдя наверх, Григорий судорожно закурил, пуская кольца голубого дыма в черное небо. С каждой затяжкой ему становилось чуть легче, мысли в голове прояснялись. Дойдя до остановки, он выбросил окурочек и достал проездной. Как раз в этот момент из-за угла показался его автобус, привычно

сделавший еще две остановки, одну на светофоре и еще одну чтобы подобрать пассажиров. Григорий вошел в салон и странно оглядел сидевших вокруг. Пара студентов, старушка с сумкой на колесах, парень с огромным рюкзаком в куртке с логотипом местной спортивной школы. Они виделись каждый день и уже успели запомнить друг друга за добрую сотню поездок. Доехав до своей остановки, Григорий вышел навстречу морозному ветру, и стал пробираться по дорожке в сторону офиса. За ночь сильно намело, и несмотря на все усилия дворника, ноги то и дело увязали по щиколотку в снегу. Спустя четверть часа он наконец зашел в черный монолит делового центра, откуда молча направился к лифту, не обращая внимания на клевавшего носом консьержа. На седьмом этаже двери распахнулись и взору предстали темные ряды столов, напротив которых стояли номера станций каждого из работников. Дойдя до отметки «100», он поставил портфель, включил компьютер и пошел на кухню, заварить себе кофе. По дороге обратно он решил не включать свет и поработать немного в темноте, чтобы не нагружать глаза. Его компания недавно переехала в новый офис, но ради экономии сделала интерьер типовым, очень похожим на старое помещение. Длинные ряды столов тянулись на всю ширину офиса, около каждой из станций раньше были имена его коллег, но позже их заменили на номера из-за большой текучки кадров. Их род занятий редко предполагал посетителей, поэтому неискушенный человек мог и потеряться в этом лабиринте. Вер-

нувшись на место, он открыл список номеров на сегодня и принялся звонить по первому в списке. После нескольких гудков, на другом конце провода ответил заспанный голос:

– Да?

– Доброе утро Алексей Петрович, подскажите вам удобно будет обсудить со мной вашего нынешнего поставщика...

– Чего? Ты че, сдурел? Ты видел который час? Идиот...

Тишина. Григорий повесил трубку и зачеркнул номер из своей записной книжки. Вновь посмотрел на часы – 6:50. Звонить клиентам и правда было очень рано. Он открыл новостной сайт, но как ни старался собраться с мыслями и прочесть статью, буквы на мониторе все никак не складывались в слова. Всплыл выпуск новостей про похоронную мафию. Корреспондент с деловитым видом ходил вдоль вереницы безымянных оградок, то и дело подкрепляя свои слова графиками, сплывавшими в разных уголках экрана. Он ярко жестикулировал руками, вызывая неловкость у немногочисленных посетителей кладбища. Однако, как ни старался Григорий вникнуть в суть репортажа, как ни вслушивался в то, что рассказывал корреспондент, его слова казались лишь шумом, сродни скрипу колес поезда. Он вновь потер глаза и увидел открытку, прикрепленную к стенке его рабочего места. Раскрыв ее, глазам предстал стих, поздравлявший Григория с сорокалетием. Вокруг текста были видны пожелания коллег, расписанные разными почерками. Григорий, однако, был больше озабочен местом, где было прикреплено

поздравление. Отбросив открытку на край стола, он провел пальцами по выцветшему участку стенки. Он не мог отвести взгляда от тусклого прямоугольника, боялся даже моргнуть и потерять его из виду. Его глаза быстро иссушились, и он протер их снова. Когда первые из его коллег стали один за другим появляться на этаже, Григорий уже всю разговаривал с клиентом, лишь изредка поднимая руку в ответ на приветствия в свой адрес. На его пустынном столе они привычно наблюдали картину из блокнота и кружки холодного кофе.

Григорий захлопнул за собой входную дверь и не стал включать свет. Глаза все еще гудели после рабочего дня. Он оставил портфель в коридоре, снял и повесил пальто. Потянулся к шее и не с первого раза понял, что на нем сегодня нет шарфа. Встал напротив зеркала и снял часы. Ему было тяжело без света различать свое отражение, но так его силуэт не расплывался в отражении, словно масляное пятно на воде. На него смотрел гладко выбритый мужчина с редкой седью в волосах. Он читал усталость на своем лице и глубокую пустоту в глазах. Выцветшая рубашка мешковато висела на плечах, а брюки подпоясывались ремнем, выдавая под собой болезненную худобу. Он слышал хриплый шум своего дыхания и ритмичное тиканье часов. Его указательный палец дотронулся до нижнего века и оттянул его. Темное пятно глазницы стало больше, и он почувствовал свое прикосновение. Он старался не моргать как можно дольше, сильно сдавливая оттянутую кожу. Наконец он отпустил, закрыл глаз и поймал

пальцем теплую слезу, которая сбегала по щеке. Он разделся в темноте, лег на диван и начал смотреть в потолок, слушая отдаленные склоки соседей и завывания ветра на улице.

Внезапно послышалась тихая мелодия, доносившаяся из коридора. Придя на звук, он увидел входящий звонок от сестры.

– Алло, Гриша, привет. Слушай, можно у тебя будет остановиться через пару дней? Я проездом буду в твоих краях.

– Да, привет Анжел, знаешь, у меня сейчас ремонт, наверно не получится, извини. У тебя все хорошо? А то на меня тут столько всего навалилось, что даже не представляешь, я последние несколько недель...

– Блин, жалко... у меня хорошо, Миша обживаетеся в школе, пока тяжело, конечно, в новый коллектив вливаться. Андрей все время на работе, первое время говорит очень много надо освоить из внутренней кухни. Ну а я все дома, привожу в порядок квартиру. Соседи по вечерам спать не давали вчера, не выспалась. Здесь просторно очень, мне одной тяжело справляться со всем. Непривычно вот так на себе целое хозяйство держать, конечно помогают мне мальчишки, но пока они на работе и в школе, чувствую себя одиноко, понимаешь?

– Конечно! Ты у нас редко сама по себе бывала, постоянно в окружении толпы людей. Но вы сделали правильный выбор, что переехали за город. Все же лучше для всех.

– Ты правда думаешь, что это хороший выбор? Конечно,

работа хорошая, да и в школу мы отдали Мишеньку в хорошую. А как же я? Что мне теперь сидеть и ждать их всю оставшуюся жизнь?

– Не жди, зачем же, разве тебе нечем себя занять, кроме как присмотром за домом? Ты же столькими вещами увлекалась?

– Да, но это когда было? Я уже лет десять только и знаю, что приготовить еду, помоги с уроками, постирай мне на завтра рубашку. Я их люблю безумно, Гриш, но без них я тут как в клетке.

– Ну тут я тебе ничем помочь не смогу, прости. Разве что посоветую найти себе занятие по душе или взяться двумя руками за хозяйство.

– Какое хозяйство, Гриша, ну ты издеваешься что-ли? Я только после замужества и готовить, и гладить училась. Кто бы меня учил, а? Ты все на работе был, а мама с папой была все время, ни у кого не оставалось времени, чтобы мне показать, помочь, подготовить как-то...

Речь сестры плавно перетекла в несвязный шум, от которого опять заболела голова. Григорий лег обратно на диван, положил телефон на пол, включив громкую связь и принялся безуспешно массировать виски.

– Анжел, прости, я сейчас по дому кое-что делаю, давай завтра созвонимся?

– А, хорошо, без проблем.

– Только пожалуйста набери меня. Я правда очень хочу

поговорить.

– Тебе мало разговоров на работе?

– Не таких разговоров, как ты не понимаешь?!

– Поняла, позвоню. Спокойной ночи.

Экран телефона погас, а квартира вновь погрузилась в тишину. Григорий ее уже не слышал, в его ушах звенели все слова, которые он так и не сказал сестре.

Утром опять проснулся задолго до будильника. Сев на диване, он вдруг обратил внимание на книжный шкаф, подсвеченный лунным светом. Подойдя к полкам, он стал рассматривать покрытые толстым слоем пыли книги, как будто увидев их впервые. Старые справочники и кодексы законов, учебники по криминалистике, торговому и административному праву. Григорий взял один из них, открыл на случайной странице и увлеченно начал читать. Его лицо озарила теплая радость, ключи к которой он считал безвозвратно утерянными. С самого детства его привлекали сложные задачи и поиск их решения. Он вспомнил, как еще молодым студентом корпел над этими справочниками в поисках ответов на каверзные вопросы своих профессоров. Как конспектировал заседания суда, а после разбирал их по вечерам. Как его захватывали сложные кейсы, что бывало он даже засыпал на своих учебниках. Какая гордая была мама, когда он принес зачетку с пятерками после первой сессии.

Он взял следующую книгу, открыв которую наткнулся на закладку на четвертой главе. Предыдущие потрепанные

страницы даже в темноте казались чуть темнее всех последующих. Он взял закладку в руку и повернул ее на свет. На небольшом листке бумаги, выцветшими чернилами были небрежно написаны несколько строк текста. Некоторые из них от старости уже с трудом можно было прочесть. Нижний угол украшала синяя печать и чья-то подпись. Тепло ранних студенческих воспоминаний сменилось холодом. Его снова, как и 20 лет назад выбил из колеи этот клочок бумаги. Он вспомнил запах больницы, палату отца и слезы матери каждую ночь. Вспомнил, как нелегко было в первые месяцы им всем свыкнуться с новой реальностью, как подручными средствами приспособливали квартиру, как неудобно было, когда приходили гости. Как приняли лучшее для семьи решение помогать с поступлением Анжеле...

Звук будильника выдернул его обратно в пустую квартиру, посреди которой Григорий стоял с книгой в руках. Он попытался вернуться на место, которое только что читал, но все его попытки были бесполезны. Слова на страницах расплывались на глазах, а те немногие, которые можно было разобрать, были лишены всякого смысла. Он вбежал на кухню, включил свет и судорожно держа книгу, старался разобрать написанное. Но пролитый свет не помог внести ясность в слова, которые на его глазах смешивались в черный комок букв. Он положил книгу на стол, включил кофеварку и пошел в ванную.

– Ты чет с резиной ошибся сегодня, Гриш?

Григорий поднял голову и увидел проходящее мимо улыбающееся лицо Матвея, грузного коллегу со стола № 97. Он бросил портфель на стол, кинул куртку на соседнее кресло и плюхнулся на стул. Его длинные, сальные волосы свисали до плеч и нависали на глаза. Матвей улыбнулся еще шире и показал пальцем на ноги Григория. Тот посмотрел вниз и увидел мокрые, тонкие носки под летними туфлями.

– А, точно. Сегодня с утра собирался сумбурно, перепутал видать.

– Странно, на тебя не похоже. Ты же у нас сама педантичность, приходишь раньше всех, работаешь как вол. На таких как ты вся компания держится.

– Спасибо. Видимо не досыпаю.

– Ты смотри, не раскисай. Если чего случилось ты это, не держи в себе. Мы на тебя рассчитываем.

С этими словами Матвей открыл рабочую почту, достал из сумки книгу, и начал читать, изредка двигая мышкой по столу, чтобы не давать зависнуть экрану. Каждый раз, когда Григорий зачеркивал очередной номер, Матвей брал ручку и зачеркивал один из своего списка. Ближе к середине рабочего дня цифры в блокноте начали плавать, и Григорий решил сделать себе кофе. Он медленно помешивал горячий напиток в кружке, неспешно наливая кипяток. Он подумал о том, что все еще помнит многое из прочитанного сегодня ночью. Григорий оценил стоимость учебы на вечернем отделении, курсовые по ночам, дорогу от работы до института. Но по-

степенно мысли в его голове вновь начали спутываться. Шум в ушах усиливался, и он закрыл глаза, дабы его успокоить.

– Гриша, ты чего?!

Его правую руку с чайником одернул Матвей, взял его левую и подставил под струю холодной воды. Только тогда Григорий ощутил острое жжение – рука была ошпарена кипятком.

– Возьми в моем столе аптечку, там бинт и антисептик, я здесь все уберу – он вытолкнул его за дверь и принялся вытирать разлитый кофе. Проследовав до стола и открыв верхний ящик, Григорий обратил внимание на блокнот коллеги. Он взял его в здоровую руку и посмотрел на последний зачеркнутый номер телефона. Потом на тот, что был до него. Потом еще один. Когда Матвей вернулся, Григорий уже сидел с перевязанной рукой и бойко стучал по клавишам телефона, не обращая внимания на посторонних. Перед ним лежало два блокнота с одинаковым списком номеров. Матвей сел за свой стол, поставил свежую кружку рядом с пустой, открыл книгу и вновь погрузился в чтение.

Всю дорогу до дома рука давала о себе знать. Бинты пропитались жидкостью и натирали кожу. Войдя в квартиру, Григорий вновь посмотрел без света на себя в зеркало. Его черный силуэт ярко контрастировал с белой, забинтованной кистью, когда он поднимал руку к груди. Она смотрелась инородно с телом, поэтому он размотал повязку и снова стал единым целым в отражении. Сильная боль, пронзившая ру-

ку, когда он попытался сделать кулак, заставила его включить свет и перевязать руку начисто. Приняв несколько таблеток обезболивающего, он сел на диван и раскрыл семейный альбом. Листая страницы и вспоминая светлые моменты своей жизни, невольно на Григория накатила теплая волна ностальгии. Детские фотографии всех вместе, поездки на отдых, выпускной его и сестры. Тогда их семья была крепкой и слаженной, каждый в ней знал, что есть дом, в котором его ждут и всегда примут. Он мысленно вновь ощутил себя ребенком, под крылом любящих родителей. Он почувствовал ответственность за младшую сестру, которую защищал от хулиганов, и которой помогал с уроками. Их лица, такие живые, такие родные смотрели на него с теплотой, он был желанным гостем в их кругу и ему никогда не приходилось искать причины чтобы получить эту любовь. Перелистнув последнюю страницу, он закрыл увесистый альбом и посмотрел на телефоне время. Шел уже второй час ночи. Григорий тяжело вздохнул, выпил еще таблетку от боли в руке и лег спать.

Утром его разбудила страшная жажда. Он медленно сел на диван и его ноги плюхнулись по щиколотку в воду. Ошеломленный, он мигом ринулся в ванную, в поисках причины затопления. Но убедившись в целостности сантехники, он вернулся обратно в зал для оценки последствий. Вокруг плавали вещи, учебники были под водой, недалеко от изголовья плавал раскрытый альбом, как раз на фотографии Гри-

гория с сестрой. Он аккуратно взял его и положил на верхнюю полку книжного шкафа. Он старался вычерпать воду в ванную, чтобы дать ей убежать и за час управился с основными следами потопа. Собравшись, он выскочил на лестничную площадку и поспешно закрыл за собой дверь. От громкого хлопка переполошилась соседка, выходящая из квартиры напротив. Он виновато посмотрел на нее и стал закрывать дверь на ключ. Повернувшись, он заметил, что она пристально смотрит на его ноги. Испугавшись мокрых следов, он посмотрел вниз, где увидел, торчавшие из-под брюк носки разного цвета. Пробормотав беглые извинения, он первым зашел в лифт и поехал вниз.

На станции он опоздал на свой привычный поезд. Когда он только сошел с трапа эскалатора, то увидел, как закрываются двери и на циферблате горят аккуратные 00:40. Поезд тронулся, оставив его на платформе в ожидании следующего. В отражении стекла Григорий вновь увидел девушку с книгой. Сегодня на ней был строгий костюм и длинная шуба. В руках она по-прежнему держала томик с торчавшим из середины авиабилетом, который она использовала в качестве закладки. Григорий задумался о том, как давно он никуда не уезжал из города, пускай даже в гости к сестре. Вся его жизнь замкнулась кольцом между дорогой на работу и поездкой домой с долгими перерывами на сон и звонки клиентам. Он не мог вспомнить чем занимался на прошлой неделе, что ел на завтрак, не помнил, как выглядит его племянник Миша.

Он вообще с трудом в последнее время воспринимал что-то, кроме телефонных номеров на работе. Это напряжение давило на него, никак не отпуская даже в моменты отдыха. Григорий страстно захотел чего-то захотеть – но его разум лишь множил клубы тумана, не давая ответов. Подошел следующий поезд, Григорий зашел в него и мирно покачиваясь, поехал на работу.

На остановку пришлось бежать – едва успев на свой автобус, он вызвал заинтересованные взгляды своих привычных попутчиков из-за взъерошенного внешнего вида и наспех забинтованной кисти. Выйдя на своей остановке, он увидел, что сугробы уже подошли к высоте его колена. Он оглянулся в поисках более чистой дорожки, но не увидел никаких других путей по дороге к зданию. Закутавшись плотнее в свое пальто, он стал пробираться вперед, изредка останавливаясь, чтобы не упасть от ветра. Поднявшись в офис, он заметил, что многие из его коллег уже были на своих местах. В столовой так и вовсе было не протолкнуться. Добравшись наконец до своего стола, Григорий увидел мирно лежащие у компьютера конфеты и печенье.

– А это все по какому случаю? – спросил он у Матвея, не сводя глаз со сладостей.

– Как это, у Артема сегодня круглая дата, ты только ему ничего не говори, а то он подумает, что ты опять забыл. Хоть делай вид, что ты с коллективом, Гош.

– А, точно. И Григорий, мы все-таки не так близко знако-

мы. Я же тебя Митя не называю?

– Ты чего Гош, простыл что ли? Какой же я Митя, с утра Миша вроде был!

Григорий повернулся и увидел смотрящего на него с недоумением опрятного мужчину, спортивного вида. Его черты лица были знакомы, но он все никак не мог понять, на кого тот был похож. Короткие черные волосы и раскосые глаза были в точности как у Андрея, мужа его сестры. А губы и нос точно были точно, как у самой Анжелы.

– А где Матвей? Который работал на 97 станции?

– А, ну все понятно. Ты, видно, меня перепутал с кем-то. У тебя что, вторая работа, Гош? Это бы объяснило твою усталость постоянную. У тебя все хорошо? Ты в последние дни сам не свой.

Григорий смутился, буркнул что-то себе под нос и сел обратно за работу. Впервые за год, он услышал, как коллега звонил клиентам и делал хоть какую-то работу, говорил вежливо и максимально корректно.

До самого конца рабочего дня он не вставал со своего стола и после окончания мигом сорвался домой. Он пытался дозвониться до сестры по дороге домой, но каждый раз слышал лишь автоответчик. Открыв же входную дверь, он с удивлением не обнаружил в квартире никаких следов утреннего потопа. Он снял промокшие туфли, покрытое снегом пальто, шарф и часы. Вновь взглянул в зеркало. Теперь он едва мог различить в нем и половину своего лица. На нем больше не

читалась усталость, он чувствовал ее глубоко внутри. Освещенная часть лица казалась одинокой на фоне остального тела, повергнутого в темноту. Его глаза выражали молчаливое несогласие, перемешанное со страхом. Они боялись признаться сами себе, что уже проиграли. Он взглянул на себя широко раскрытыми глазами в поисках, даже не ответа – вопроса, который стоит задать, вопроса, на который стоит искать ответ. Он хотел услышать любой шорох, почувствовать самое легкое дуновение ветра с другого конца тоннеля, ощутить в руках самую тонкую соломинку, по которой он сможет выкарабкаться. Он стоял неподвижно, боясь даже дышать, чтобы не спугнуть свой спасительный шанс выбраться на свет. В этот момент старая проводка фонаря напротив не выдержала скачка напряжения в электросети и весь двор погрузился во тьму. Григорий тяжело выдохнул и медленно пошел в зал. Он не стал расправлять диван и снимать рабочую одежду. От всей накопившейся усталости он сразу же уснул.

Уложив наконец Мишу спать, Анжела пошла в зал. Андрей в пол глаза смотрел кино, увлеченно читая что-то в своем телефоне. Она вздохнула, взяла свой мобильник и пошла на кухню. Едва она успела сесть, впервые за последние два часа, она увидела россыпь пропущенных звонков от брата. Анжела попыталась перезвонить ему, но оба раза гудки сменялись автоответчиком. Не в силах больше бороться со сном, она написала ему сообщение с просьбой перезвонить завтра и отправилась в спальню. Несмотря на усталость се-

годняшнего дня, она была довольна собой. Все было именно так, как и говорил её старший брат, стоит только взять свое время в свои руки, как дело начнет спориться, и всякий труд будет в радость. Едва ее голова коснулась подушки, она уснула, тепло улыбаясь долгожданному отдыху.

Луч солнца предательски просочился сквозь задернутые шторы. Легкие порывы ветра от открытой форточки доносили стук веточек стоявшего напротив вишневого дерева. Едва слышно было первую капель, птицы радостно щебетали, приветствуя весточки грядущего тепла. Весна еще не вступила в свои законные права, однако природа не могла дожидаться дорогую гостью и при любом удобном случае, указывала на дверь холодной зиме. Та, впрочем, не слишком обижалась на такое обращение с собой, лишь изредка бросая завистливые взгляды на веселье за своей спиной. Григорий потянулся и сел, аккуратно погрузив ноги в набежавшую почти до края дивана воду. С каждой неделей её уровень рос, но соседи все никак и не думали поднимать тревогу. Он неспешно оделся, провозившись чуть дольше обычного с новой дыркой для ремня. Первые две он продырявил с легкостью, но эта далась намного труднее, шило отказывалось пробивать кожу, как бы сильно он ни давил. Закончив со сборами, он вышел на лестничную площадку, закрыл за собой дверь и нажал на кнопку лифта. Внезапно он почувствовал на себе пристальный взгляд чьих-то скрытых от взора глаз. Григорий повернулся и осмотрелся. Этажом ниже сосед, громко звеня бутылками,

выбрасывал мусор. Этажом выше около трубы мусоропровода стояли чьи-то старые санки. Тут он увидел в пролете глаз и растрепанные волосы женщины. Она выглянула из-за лестницы, вытянула руку со стаканом воды и демонстративно вылила его на лестничную площадку. Григорий в недоумении хотел было спросить её зачем, но она лишь мотнула головой и поднялась на свой этаж. Он проследовал за ней. Дверь в квартиру была приоткрытой.

Внутри он почувствовал резкий, удушливый запах аммиака. Глаза, привыкшие к темноте его собственного дома, быстро освоились, и он рассмотрел внутреннее убранство квартиры. Узкий коридор был обклеен старыми обоями, многие из которых отслаивались от стен. Под ногами валялись кипы пожелтевших газет, перевязанные бечёвкой. Пройдя между ними, он попал в пыльную, захламленную комнату с задернутыми шторами. Из смежной двери вышла женщина, держа в руке кружку чая. Ее халат вытянулся от старости и выцвел до светло-бежевого цвета, который напоминал болезненного вида человеческую кожу. Она села в кресло напротив Григория, не сводя с него глаз. Он осторожно присел на край дивана. Не успел он устроиться, как почувствовал запах пыли, который поднялся с подушки, на которую он сел. Женщина отпила глоток и спросила:

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Да, спасибо. В последнее время было очень много работы, и я мало чем занимался помимо нее, и...

– Я бы хотела вынести вам выговор. Ваше рассеянное поведение плохо сказывается на облике нашего дома. Каждый из нас несет ответственность не только за себя и свою работу, но и за то, какую роль он играет в жизни домового коллектива. И прямо сейчас вы для нас как паршивая овца. Если же вы не измените своего поведения, я буду вынуждена обратиться в вышестоящие инстанции. И я обязательно вынесу вопрос о вас на следующее собрание домового совета.

– Домового чего? Я последний раз слышал про совет дома в детстве. А вы, простите, какое к нему отношение имеете? И вы кто будете?

Женщина вскочила от негодования, пролив часть своего чая на пол. Ее глаза округлились еще больше.

– Для вашего сведения, грубиян, я вообще-то председатель совета дома, член региональной комиссии по домашней этике Светлана Михайловна! И занимаю этот пост уже последние 35 лет.

– Вот и я говорю, с детства не слышал про такое! Я думал их все распустили после развала союза...

– Перемены в государственном устройстве еще не повод упразднять важные для дома службы! На место председателя берут самых ответственных и исполнительных жильцов, и после своей матери, эта должность перешла мне. Я всегда хотела ее получить, всегда хотела показать, что заслуживаю этой ответственности.

– Да кому это нужно? Особенно сейчас? Вы меня, конеч-

но, извините, но это все чушь

– Чушь? Вот они тоже говорили, что это чушь. Я с самого детства исправно всегда вела себя и следила за тем, чтобы никто не выделялся на фоне коллектива. Мои родители не понимали, а я поняла. Они постоянно вели себя вызывающе, не слушали указаний, прямо как вы. Постоянно выносились на совет дома. И чего они этим добились? Того, что за ними приехали, а меня отправили в дом к другим таким же детям. Там-то я поняла, что чтобы за тобой не пришли, нужно не только не попадаться на глаза, но и не давать высовываться другим. Тогда я начала следить за другими детьми, помогла установить порядок в нашем лагере. Поэтому меня и забрали хорошие родители, которые знали свое место, которые не выносились на совет дома. И меня никогда больше никто не забирал. Потому что я смогла стать хорошей.

– Какой кошмар, ваших родителей забрал «Воронок»? Мои соболезнования.

– Оставьте, это ни к чему. Они заслужили то, что с ними случилось. Их действия и привели к такому итогу.

– Неважно какое преступление совершили родители, за это не должны страдать дети. А по вашим словам, вам искалечили детство.

– Мои родители должны были думать о том, во что они ввязываются и какие последствия могут быть для них и для меня.

– Вы же не можете всерьез защищать палачей? Ваши ро-

дители, вполне возможно, попали в лагерь по надуманному предлогу, вы росли в детских домах. Да, вас удочерила хорошая семья, но это не отменяет несправедливости в отношении ваших родителей! Что такого вам могли сделать ваши родители, что вы встаете на сторону тех, кто сломал им судьбы?

– Прекратите! – Она истошно закричала и выронила кружку из рук. Подбежав к закрытому окну, она приоткрыла шторы и посмотрела на улицу. Повернувшись обратно, она продолжила шепотом:

– Что вы такое говорите, нас же могут услышать! Неважно что мы думаем, неважно что произошло и почему нас разлучили. Нельзя высовываться, нельзя говорить против официальной версии.

– Почему же, за нами больше никто не следит. Сейчас реабилитируют все новых и новых пострадавших от репрессий. Возможно, в этих списках можно найти и ваших родителей?

На секунду лицо Светланы Михайловны смягчилось, и она взглянула на Григория с призрачной надеждой. Он улыбнулся в ответ и хотел было продолжить с ней разговор, как вдруг резко все переменялось. Она оскалилась на него, зашипела, что её так просто не проведешь и что ему лучше уйти и не мешать ей работать. Григорий тяжело вздохнул, встал и направился в коридор. Собрав свои вещи, он увидел на тумбочке карандаш, взял его и написал на одной из газет сайт, на котором публиковали имена и фамилии реа-

билитированных политических заключенных. Светлана Михайловна выпроводила его на лестничную площадку и, громко хлопнув дверью, закрыла ее на все замки. Краем глаза она увидела заметку, которую ей оставил Григорий. Испугавшись, она оторвала кусок газеты, разорвала его на мелкие кусочки и бросила в унитаз. Смыв воду несколько раз, она открыла кран в ванне и села на стульчак. В тишине ее пыльной квартиры раздавался лишь шум потока воды, заглушавший всхлипывания пожилой женщины.

Григорий, добравшись наконец до своей работы, непривычно долго ждал автобуса на остановке. Докурив вторую сигарету, он наконец увидел маршрутку, но войдя не узнал никого из присутствующих. Сонные пассажиры не обратили на него внимания, а сам же он лишь подумал, что это всего лишь признаки его обычной усталости. Поднявшись на этаж и войдя в офис, в глаза вдруг непривычно ударил яркий свет. Мимо бегло сновали его коллеги, а работа кипела. Григорий дернул к себе руку и взглянул на часы. Секундная стрелка не двигалась, и он вспомнил, что уже неделю не заводил их. Он подкрутил барашек и вновь посмотрел на застывшее лицо циферблата. Постучав по треснутому стеклу, он понял, что уже ничего не добьется и проследовал к своему столу. Однако там его ждала совсем непонятная картина: стенки были украшены фотографиями неизвестных людей, повсюду были разбросаны бумаги, а на стуле висело короткое, женское пальто. Он вновь сверил номер на столе и увидел уже став-

шую родной сотню. Со спины его окликнула девушка, подошедшая с чашкой кофе в руке.

– Здравствуйте, вам помочь?

– Доброе утро, это вообще-то мое рабочее место...

– Вы меня, конечно, извините, но этого не может быть. Я тут недавно, но мне сказали, что этот стол никем не занят и я тут уже неделю. Да и вещей здесь никаких не было, так что я как видите уже обосновалась.

– Как это вы здесь работаете, я еще вчера – Григорий обернулся и увидев свет в кабинете начальника, решительно направился к нему. Дверь распахнулась и на него уставились возмущенные глаза пожилого мужчины с густой бородой.

– Александр Петрович, что за дела? Почему кто-то работает на моем месте? Все номера же закреплены за работниками!

– А, Гриша, ты решил появиться на своей любимой работе? Если ты не появляешься на рабочем месте больше, чем 3 дня без уважительной причины, по трудовому договору мы имеем право расторгнуть его в одностороннем порядке. А ты пропал на добрые две недели. Мы пытались дозвониться до тебя, но никто не брал трубку. С коллегами ты не общаешься, никто не знает, где ты живешь. Мы были вправе сделать то, что сделали, любой простой в нашем деле непростителен. Ты же понимаешь.

Он понимал. С каждой секундой его видение ситуации прояснялось. Он постоял в кабинете еще с минуту, неловко

извинился и положил свой пропуск на стол. Начальник говорил что-то, но Григорий уже не слышал его слов. В его душе воцарилось умиротворение. Наконец он почувствовал полную свободу. Тяжесть, которая как будто давила на него все это время, пропала, он встал прямо и расправил плечи. Работа, которая была для него последним островком стабильности в творящемся вокруг хаосе, оказалась именно тем последним и самым увесистым кирпичиком этой ноши. Он не видел противоречий, не пытался цепляться за порядок, который давала ему работа. При желании он мог бы, конечно, убедить директора восстановить его в должности. Он мог бы рассказать о рабочей этике его коллег, о неравном распределении задач между коллективом, смакуя каждого из них. Он понимал, что без него работа наверняка будет делаться плохо и что его уход губительно скажется на бизнесе, о котором так печется его начальник. Но он не хотел бороться. Он больше не хотел бороться. У него не осталось ничего, что стоило бы таких усилий.

Дойдя до остановки, Григорий решил не ждать автобуса и пошел пешком. Впервые за долгие годы, ему некуда и незачем было торопиться. Утро выдалось солнечное и перед появлением толп, собирающихся на работу, хотелось насладиться хрустом тающего снега под ногами. Он глубоко вдыхал свежий, морозный воздух и наслаждался каждой секундой дарованной ему свободы, которая так долго ускользала от него. Подойдя ко входу в метро, он заметил цветочный

ларек, который обычно был закрыт, когда он ехал на работу. На витрине красовались корзинки с цветами, приуроченные скорому празднику 8 марта. Он взглянул на одну из них и горько усмехнулся. Продавщица помахала ему рукой, сделав знак, чтобы тот уходил и возвращался, когда они откроются. Григорий кивнул и одиноко проследовал вниз по лестнице ко входу на станцию.

Дойдя до платформы, он увидел, как отправляется состав, который следовал в его сторону. На табло горели 0:40. Однако сейчас Григорий не расстроился упущенной возможности пораньше поехать домой. Он не торопился и мог позволить себе дождаться следующего. Тогда, стоя в тишине одинокой платформы, он закрыл глаза и подумал о том, что ему теперь делать со всей своей свободой. Он попытался представить свободные дни, которые становились все длиннее, давая все больше возможностей для творчества. Или о том, как вновь возобновит свою учебу и построит карьеру, пусть и уже в солидно возрасте. Но все его старания заканчивались лишь головной болью и шумом, который он чувствовал полу часом ранее на работе. И тогда он понял, что ему нужно сделать. Приняв решение, он вновь почувствовал эту пьянящую свободу, которую ему дал сегодняшний уход из офиса. У него на секунду закружилась голова и он пошатнулся, открыв глаза. Внезапно он заметил, что был неправ и он не один на платформе. В двух колоннах от него стояла, поглощённая своими мыслями, молодая девушка, лет 16. Она была очень опрят-

но одета, однако слишком легко для переменчивой погоды ранней весны. В руках она перебирала какой-то небольшой предмет, тихо бормоча что-то себе под нос. Григорий внимательно посмотрел на нее и решил узнать, была ли ей нужна помощь, благо следующий поезд за ним наверняка придет. Он подошел к ней и мягко поздоровался. Девушка резко отпряла, крепко сжав кулаки и прижав руки к груди. На оголившихся запястьях Григорий увидел шрамы.

– Доброе утро, простите, что отвлекаю. У вас все в порядке?

– А вам какое дело? Вы что, извращенец?

– Что вы, нет. Хотя, именно так бы вам ответил настоящий извращенец. На самом деле, на такой вопрос нет ответа и...

– Чего вы несете? Оставьте меня в покое.

– Я просто хочу помочь.

– Я похожа на человека, которому нужна помощь? Себе лучше помогите.

– Я себе помогу, не переживайте. Просто... просто некрасиво нам обоим прыгать на одной станции.

Она подняла глаза и вопросительно посмотрела на Григория.

– Или вам так свитер запястья натер?

– Не лезьте не в свое дело.

– Да я не настаиваю. Просто пока уж стоим ждем могли бы хоть выговориться. На дорожку так сказать.

– Вам поговорить не с кем? Что вы ко мне привязались?

Если пытаетесь меня отговорить, то не надо, дохлый номер.

– Дохлый... он усмехнулся – ваша правда. И нет, стал бы я вас отговаривать, если сам собрался туда же. Единственная причина мне вас разубедить – это чтобы здесь прыгал только я. Место здесь для меня очень сентиментальное, тут я работаю, – он оступись – простите, работал до сегодняшнего дня. Вот и хочу закончить свой путь там, куда с таким остервенением спешил каждый день.

– Вы только потеряли работу и уже сдаетесь? Слабенький повод, не?

– Дело не только в работе. Дома меня ждет пустая квартира, да и она в последнее время уже не ждет вовсе. С родными я связь потерял, друзей так и не завел. Каждый день только рабочая рутина меня вытаскивала из постели. А теперь пропала и она. Дело не в том, что мне не хочется жить, а в том, что для этого нет ни причины, ни цели.

– Но ведь вы взрослый мужик, разве вы не можете собрать волю в кулак и найти себе смысл?

– Это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Со стороны кажется, что такое решение все бросить это слабость, говорит о том, что ты сдался. Часто же говорят, жизнь штука тяжелая, крепись и все у тебя будет, главное не сдаваться и гнуть свою линию. И это легко, когда тебе противостоят обстоятельства, когда ты бросаешь вызов кому бы то ни было. А в жизни часто бывает так, что против тебя никого нет, никакая сила тебе вовсе и не противостоит. Ты ищешь

точку опоры или вызов для себя, но все что видишь вокруг это равнодушие. Легко победить соперника, против которого выходишь на бой. Но как победить того, кто с тобой даже не соревнуется. Всю мою жизнь мои усилия лишь сотрясали пустоту вокруг меня, что бы я ни делал, все было ни к чему. Вся моя жизнь ни к чему. Она даже мне безразлична.

– Не дай боже такой вырасти.

– Не очень-то и стараешься! А ты отчего решилась на такой шаг? Ты ж еще молодая такая?

– А что, есть возрастной ценз на то, когда может осточерть жизнь??

– Нет конечно, просто ты видно не первый раз пробуешь. Значит уверена в выборе своем.

– Теперь уверена, – она вновь поправила рукав – это первый раз по глупости. Тогда было на эмоциях, рассеянная, забыла, не усмотрела за младшим братом, который остался под моим присмотром в тот день. Когда меня откачали в больнице, со мной рядом сидел только отец. Он сказал, едва подбирая слова, что мать не выдержала всего, что случилась и теперь остались только он и я. Никогда не видела такой боли на его лице. Он выглядел таким старым, глаза ввалились в глазницах, вся голова седая, трясущиеся руки. И все из-за меня.

С последними словами она разжала кулаки, и маленькая роддомовская бирка вылетела из рук на рельсы. Порывом ветра из шахты ее понесло в сторону от них, и Григорий

услышал скрип колес надвигающегося состава. Девушка вытерла слезы и с силой выдохнула. Он в ужасе посмотрел на нее и едва сдерживая крик схватил за руки.

– Что вы делаете?

– За что ты так ненавидишь свою семью?

– Я не ненавижу их, с чего вы взяли. И отпустите меня!

– Подумай хоть раз не о себе. Поставь себя на место отца.

Он потерял всю свою семью в одночасье, а теперь ты хочешь отобрать у него последнее? Что он тебе сделал такого плохого??

– Я погубила своего брата и мать. Это из-за меня их больше нет. Кто, по-вашему, на него эти страдания навлек, а?

– А что ты сейчас, по-твоему, делаешь? Искупаешь свою вину перед ним? Или выбираешь легкий исход? Так у него будет еще больше горя, а с тебя взятки гладки, да? И кто еще из нас безвольный слабак и трус.

– Отпустите меня. Я все решила для себя.

– Решила она? – он сжал ее руки сильнее, чувствуя, как она пытается вырваться – решила ничего не решать. Ты выбираешь легкий путь, который сделает только хуже. Поступить по-взрослому – это принять ответственность за свои действия, какими бы они ни были ужасными. Ты никогда не сможешь заслужить прощение своего отца, он всегда будет видеть твою мать и брата, когда будет смотреть на тебя. Но в этом и состоит искупление. Теперь у него осталась только ты, и каждый твой день на этой земле стоит жизни твоего

брата и матери. И единственный способ придать смысл всему, что произошло, это прожить свою жизнь так, чтобы они гордились бы тобой. Особенно твой отец. Ты еще молодая, красивая, еще не поздно найти то, к чему лежит твоя душа, не поздно делать ошибки, не поздно жить так, как хочешь ты. Не поздно...

Он отпустил ее руки и посмотрел в налитые слезами глаза.

– Не поздно жить. Никому не поздно жить.

Она вытерла слезы и громко всхлипывая спросила:

– Никому?

– Никому. И никогда. Нам обоим давно пора уже. Я очень долго искал поводов, чтобы жить, искал причины извне. Но теперь мне кажется, что искал не там. Зачем бороться со всем миром, так можно в склоках все самое интересное пропустить.

– И что теперь? Как я пойду в таком виде домой?

– Пойдешь. И извинишься перед отцом. И никогда больше не пойдешь творить такие глупости как сейчас, поняла? – он вытер слезу с ее щеки. – а я пойду в службу помощи таким как мы с тобой. Все лучше, когда на другом конце телефона с тобой говорит тот, кто через это прошел. Общие фразы только хуже сделают. А вот и наш транспорт. Только без глупостей!

Он прищурился девушке и улыбнулся краешком губ. Она нервно засмеялась и вытерла остатки слез. Двери распахнулись напротив них, и она вошла первой. Григорий остано-

вился на секунду. Он вновь почувствовал себя в этом моменте, почувствовал мешковатую одежду, тяжелые ботинки, теплый воздух станции и запах вагона. Только теперь он не чувствовал себя чужеродной деталью в большом механизме окружающего мира. Он больше не протягивал руку в темноту в поисках смыслов, ради которых стоит жить. Впервые за долгое время, он знал, что нужно именно ему. И более того, он чувствовал, что нужен и этому холодному, безразличному миру вокруг. Потому что он безразличен именно потому, что никто не протягивает ему руку помощи. Не просящую, а дающую. Григорий улыбнулся этой мысли, поднял голову и посмотрел на табло. На нем большие красные 1:20 сменились на 0:00. Наконец-то он был вовремя.